

Андрей
ВОЗНЕСЕНСКИЙ:

Поэт не Карл Маркс, чтобы указывать дорожку

— Пришло время поэту писать мемуары? Теперь толп молодежи у памятника Маяковскому, как в начале 60-х, не увидишь...

— А сегодня и не нужно. В 60-х это была единственная форма свободного самовыражения. Мы слишком ностальгируем по прошлому — поэтические вечера происходят и сейчас, и, кстати, в куда больших залах, чем Политех. Хотя бы в Зале Чайковского. В Рязани, Перми, Сургуте залы не пустуют. Публика сегодня состоит наполовину из людей совсем молодых. Но это другие молодые. Они начитанны, у них визуальное мышление, они аплодируют видеоматам так же, как звучащим стихам.

— Ваш оптимизм вселяет надежду. Но вот поэтическую книгу на прилавках не увидишь.

— Когда мы начинали, тиражи поэтических книг не превышали тысячи экземпляров. С тех пор страна пережила поэтический бум. Но я думаю: десять тысяч — это нормальный тираж для сборника стихов, поэзия вообще штучное дело. В серебряном веке издавали не больше. Хайдеггера, Шардена, Бердяева, Рильке издают такими же тиражами.

— Но слышишь и другое: стихи издать невозможно.

— Прежде цензура могла запретить одно стихотворение, книгу, даже автора. Сейчас коммерция становится новой цензурой. Она пытается запретить серьезную литературу и поэзию вообще. И все-таки поэзия жива, причем настоящая. Даже рок-стихи у нас исполнены глубокого смысла, достаточно послушать Гребенщикова, Шевчука, Макаревича, Кима. Помню, как ко мне в Переделкино приезжал бледный Александр Башлачев с высоким бритвенным голозом. Он был иступленным поэтом. С легкой руки Окуджавы и Высоцкого родился и пошла в народ «магнитофонная поэзия», уже не зависящая от бумаги и полиграфии. Кстати, у нее есть предтеча: Гомер пел свои гексаметры...

— Поэзия возвращается к догомеровским формам?

— Нет, она просто осваивает новое пространство, соединяя звуковое с визуальным. И, может быть, клиповая поэзия станет массовой.

— И гражданственной?

— «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином...», и т.д. и т.п. Бездарные советские и бездарные антисоветские поэты пылко прикрывались «гражданственностью». Но дело в том, что истинная гражданская роль поэта заключается в том, чтобы быть прежде всего поэтом, витамином духовности. Вдохните озон высокогорной ахмадулинской прозы о Набокове, разгадайте строки Сагира, Холина или Жданова — в истинной поэзии сейчас таится истина.

— В «Комсомольской правде» напечатана заметка, будто вы в еще не опубликованной книге воспоминаний «На виртуальном ветру» «приложили» Евтушенко. Заметка имеет подзаголовок: «История о том, как поссорился Андрей Вознесенский с Евгением Евтушенко». Заодно вас подозревают в нелюбви к Гребенщикову.

— Чувствую, что-то! Сначала я подумал: розыгрыш. Оказалось — дешевый подлог. Автор Войцеховский, видно, сам ненавидит Гребенщикова, обзывает поющим бизнесменом и т.д. Это — проблемы его вкуса. Но он приписывает свои чувства моей книге, пытается поссорить нас с Б.Г. И даже «цитирует» меня. Ни одного из приведенных слов нет в книге. У меня действительно есть слова: «Подошел Анатолий Стрелынский, сильный публицист, основатель многотомного издания». У Войцеховского: «Подошел Анатолий Стелынский, основатель многотомного издания». Разве я отвечаю за

армейское остроумие, с которым переделана фамилия? Так и подмывает фамилию автора написать «Вой-Цеховский» — по стилистике все это напоминает вой из ЦК. Хорошо хоть фамилию Евтушенко он не переврал. Из приведенного куса у меня в книге имеется только одна фраза: «Когда-то, после того, как я опубликовал восхищенную статью о Евтушенко, он позвонил мне и сказал: «Андрей, это лучшее, что ты написал за всю свою жизнь». Осталось в книге нет. Как удалось ввести в заблуждение редакцию? Рукопись книги подписана в печать 10 февраля, 17 марта ее получают читатели. Войцеховский поторопился «обозначиться» 26 февраля. Поторопился, к сожалению, и редакция вашего издания «Неделя», напечатала, не спросив, фрагменты из той самой моей книги.

— Вернемся к теме гражданственности.

— Пушкин писал: «Поэзия выше нравственности». Его пытались истолковывать. Мол, он имел в виду «нравственность феодальную». Думаю, Пушкин сказал то, что сказал: поэзия выше людской, земной «нравственности». Безнравственно называться поэтом и писать посредственные стихи, бессовестно называться экономистом и проваливать экономику, бесстыдно брать власть и не просчитывать на два хода вперед. Поэзия — прямой контакт с Богом в наш безбожный век. В этом — ее гражданственность. Поэт — не Сталин, не Гитлер, не Карл Маркс, чтобы указывать путь вперед, давать рецепты. Но он дает чистый, поэтический метод мышления — и люди в политической, экономической, сексуальной сферах найдут сами свои решения. Логически мы идем к краху, арифметическим решением этого не исправить. Спасут решения только неожиданные, сюрреалистичные. В этом смысле, может быть, сюр счастлив России.

— Нынешнее полувоевое иронической поэзии (да и прозы тоже, и драматургии) не оттого ли, что литератор жалеет отстраниться от действительности?

— Думаю, что природа этого иная. Поэт не желает плакать в жилетку, причитать о своих бедах. Это — мужская черта. Ирония — как раз тот витамин, который необходим. Ирония — демократична.

— Но ирония не столь наступательна, как сатира. К тому же сатира понятнее читателю. Ясное, что есть кто и кто за что.

— Классик сказал: «Тот, кто постоянно ясен, тот, по-моему, просто глуп». Когда миллионы овладели Интернетом, уже не говорят, что непонятны, например, Хлебников или Мандельштам. Заболоцкого чистили по рангу иронии, а это было просто проявлением его сюрреализма: сейчас это вовсе не ругательное слово. Повторяю, если мы будем искать только арифметические решения, не будет выхода ни из экономических, ни из национальных тупиков. Надо готовить умы к неожиданным решениям.

— В самом деле, можно ли решить, например, чеченскую проблему известными способами? Как стать независимыми и в то же время не разрушить Россию?

— Поэт должен приучать новые мозги к парадоксальности, дабы они нашли решения, отвечающие новой обстановке. Читайте Хлебникова, смотрите живопись Филонова. И вам явится, станет ясной их гражданственность.

— А нас учили, что совет Брюсова — «и ты привыкая с малолетства впитывая сочетания слов» — не что иное, как призыв уйти от действительности... Перефразируя Пушкина, можно сказать: «Вас Пастернак тогда заметил и, уходя, благословил». Его прогноз оправдался. А кого выделяете среди молодых вы?

Кто будет знаменитым в 2010, 2020 годах? Ваши прогнозы оправдывались?

— Увы, не всегда. Но один оправдался бесспорно: Нина Искренко. Она уже вошла в следующий век. Ей, кстати, принадлежит строка: «Гражданин СССР имеет право на труп»... В отношении читателя к поэту имеет значение магнетизм личности. Однажды на выступлении Гребенщикова — а вы знаете, кто такие фанаты — я выпустил на сцену Юрия Арабова и Нину Искренко. Нина стала читать стихи из ряда «непонятных». Но ее не только поняли — успех был искрометным. Событием года для меня явилась ее первая крупная книга. Она озаглавлена «Путь». В книге опубликованы ее дневники октября 1993 года. При жизни она их не печатала, не желая участвовать в конъюнктуре. Сейчас это читается как библейская документалистика: «В одной палате больницы и те, кто защищал, и те, кто нападал»... Она мучительно и точно искала место интеллигенции в бреду нашей жизни. Поэты ее круга — Юрий Арабов, Евгений Бунимович, Игорь Иртеньев, Д.А. Пригов, Марк Шатуновский, Света Литвак — в своих предисловиях отдают дань первенства Нине Искренко, чем вяжут особый случай истинной дружбы среди поэтов. Ну а кто будет?... Может быть, авторы экспериментального, поэтического, поставангардного журнала «По», направленного в XXI век...

— А что Вознесенский думает о наших странных метаморфозах. Боролись за многопартийность, а получил мелкопартийность. Объявили о приходе демократии, а до нее и сейчас не близко. В теории давно известно, какими должны быть демократия, многопартийность, а на практике не получается.

— Надо не болтовней заниматься, а делать дело. Во время обстрела Белого дома я прорвался и привез в больницу Склифосовского две тысячи одноразовых шприцев. Это была минимальная конкретная помощь погибающим русским людям, независимо от политической окраски. Помню озверевших «борцов», полупьяных, угрожавших врачам автоматами. Действие иногда важнее стихотворения, хотя потом и я напечатал об этом стихи в «Известиях». Артур Миллер однажды сказал, что люди, написавшие два века назад американскую конституцию, были сверхобразованными личностями, знали римское право, читали Цицерона не в переводах. Созданная ими законодательная структура в основном сохранилась и поныне. А у нас за символ Америки выдаются чикагские гангстеры.

— В последнее время к месту и не к месту вспоминают, как Вознесенского отчитывал Хрущев. В связи с чем он так вскипел?

— Его особенно разъярили мои слова о том, что есть вертикальное поколение и есть горизонтальное. Я уточнил: по-моему, Пушкин, Пастернак, Лермонтов и Ахмадулина принадлежат к одному поколению. Ванда Василевская тут же наступала: «Почему в Польше нет социализма? Его мешают строить вот такие люди».

— Тем не менее вы оставались, хоть и со скрипом, «выездным», встречались на Западе с людьми, которых у нас не очень-то жаловали. Некоторые из них даже писали о вас, вызывая гнев начальства. Но, казалось, вам многое сходит с рук. Впрочем, у нас всегда находились люди, которым позволялось больше, чем другим...

— Позволялось?! Кто позволял Шостаковичу — выездному или невыездному — создать гениальные 4-ю и 7-ю симфонии? Как будто можно было позволить или не позволить Высоцкому написать «Охоту на волков»! Их не арестовали, не расстреляли, позволили жить,

но «позволить» написать может только небо. Художника судят по его вещам. Поэтому диктуют образы не власти, а космос, ноосфера, Бог. Судьба творца закодирована небом.

— В России уже десять лет, как все политически позволено.

— Но что-то нет произведений, равных по силе 4-й и 7-й симфониям. Видно, небо не позволяет, а не власти. Кто мне мог позволить написать «Озу» или «Осень в Сигулде»? Хрущев кричал: «Мы вас в тюрьму сажать не будем, но...» Мне позволяли слушать его ор. Позволяли моей матери получить инфаркт от этого. Наш общий друг врач Левон Бадалян полгода лечил меня от послешоковых кровавых рвот. Любимая женщина от потрясений тех дней на время даже потеряла зрение...

Но когда приглашали Кеннеди, Трюдо или Ширак, властям трудно было не выпустить. Хотя известен случай: мой концерт в Линкольн-центре состоялся без меня — власти меня не выпустили, вместо меня мои стихи читали американские поэты, а Артур Миллер произнес речь протеста. Играл роль и уровень моей аудитории. Кроме битников и студентов, на мои стихи приходили Сартр, Бретон, Арагон, Керенский, Ростропович, Помпиду и последний из великих философов XX века Хайдеггер: я — поэт, к тому же из России, и вот это было им интересно. Они не мыслили мировой процесс культуры без России, считая нас и себя сообщающимися сосудами.

— Кстати, на Западе нет двух мнений о планетарном значении культуры.

— Вот последняя статья Бжезинского о четырех свойствах сверхдержавы: 1) процветающая экономика, 2) социальные условия, то есть как живут люди, 3) ядерная кнопка и 4) культура. Мы, по его классификации, сверхдержавой уже не являемся, поскольку у нас только ядерная кнопка и культура. Не буду вдаваться в его построения, не стану лишним раз подчеркивать, какой урон мы терпим от продолжающегося оттока из России музыкантов, артистов, математиков. Виноваты убогие условия. Огромная ошибка полагать, что нашей культуре одного процента бюджета хватит. Не знаю, каков должен быть процент, но убежден: надо открыть все каналы для вливаний в культуру и науку, страна без них может стать интеллектуальной пустыней.

— И все-таки книги выходят, театры работают, на концерты снова не попасть. Почему?

— Потому что Россия. Пока еще культура у нас в крови. Искусство для нас — зов из будущего. Обряды идти задом вперед.

— В заключение: почему новая книга Вознесенского, которая, еще не выйдя в свет, уже наделала немало шума, называется «На виртуальном ветру»? Чтобы, как всегда у Вознесенского, было не сразу понятно? Виртуальный — это сейчас модно?

— Затрепанное словечко «виртуальный» обретае нынче новый смысл. Мне важна тень факта, его душа. Между нами бродят фантомы. Вспоминая о событиях своей и чужой жизни, стараюсь разглядеть, что за ними. Философ Федоров ввел понятие «философия общего дела», то есть когда живые и мертвые действуют в истории вместе. Память — воскрешение. О поисках утраченного времени говорил и Пруст. Одна из глав называется «Пруст Федорович». Писал о себе, а получилась книга об уходящих фигурах русской интеллигенции. Мой путь в искусстве мне представляется как жизнь в присутствии этих людей.

Георгий МЕЛИКЯНЦ,
«Известия».
Фото Сергея БЕРМЕНЬЕВА.
(1997 год.)